

Макурин Денис

6+

Морские волки

рассказы

Денис Макурин
Морские волки

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Макурин Д. В.

Морские волки / Д. В. Макурин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Книга «Морские волки» представляет собой цикл рассказов, объединённых одним героем. Герой – он же рассказчик, Мишка Воробьёв – юный, несколько наивный, но уже вполне себе умный сорванец. Его вечно тянет куда-то: то на ходулях ходить, то в разведку, то в суровое пиратское плавание на гордом корабле-плоту «Нырок». У Мишки есть любящая семья и вполне себе нормальные друзья, жить ему не просто, но интересно. Окружающий мир главного героя полон фантазий и приключений, оттого и рассказы не дадут заскучать ни на минуту.

© Макурин Д. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Вступление. Летний лагерь

Здравствуйте! Меня зовут Мишка. Мишка Воробьёв из второго подъезда. У нас во дворе меня все-все знают. И мне уже десять лет исполнилось – скоро в армию. Правда, я пока не решил, кем хочу стать, танкистом или моряком. А может, я в университет пойду и буду учиться на инженера. А может, я в такое училище поступлю, в котором космонавтов готовят. В общем, не знаю ещё. У меня на мои мечты сил не осталось. Я все силы на летние каникулы потратил. А как это было, я вам сейчас расскажу.

Сначала мы с Вовкой хотели эксперименты проводить. И для этого дела даже спички с порохом припасли. Немного, конечно. Но столько, чтобы впечатлений хватило на весь год. Правда, мама нашла наши припасы, и вечером был семейный совет. Папа сказал, что я вконец разболтался. И поэтому они, родители, решили отправить меня на воспитание в летний лагерь.

Ничего не поделаешь: папа сказал – как отрезал. И в середине лета я отправился отдыхать на побережье моря. Так и полетели мои деньки далеко-далеко от дома.

Наш летний лагерь назывался «Бирюза», а отряд – «Оба-на». И девиз наш был такой: «Мы не птахи, не шпана, мы ребята Оба-На!»

Отряд у нас был большой, целый автобус таких же, как я, разболтанных. Но болтались мы не долго. И наш отряд быстро перевоспитали строгие вожатые. Они поднимали и усыпляли нас под горн. У них вообще все дни были расписаны. Поэтому времени баловаться совсем не оставалось.

Сначала подъём, потом утренняя зарядка. Перед зарядкой мы пробегали разминочный круг или прятались от вожатых за углом. Затем мы шли в свой корпус, где умывались, брызгались и немного шалили. После водных процедур отправлялись на завтрак, и нам давали стакан сока.

Ну, а позавтракав – на море. Только оно всё в медузах было. Медузы так-то ничего, купаться можно. Они не опасные для человека. Щиплются немножко, как крапива, и костей у них нет. Они из желе сделанные и скользкие, как кисель. Очень странные животные! Но я их не боюсь, они меня не обижали. А ещё медузы древние, как динозавры, и без глаз, я про них потом книжку читал. И ещё там было написано, что медузы растут очень быстро, потому что прожорливые слишком. Вы потом тоже про них почитайте, вам понравится.

На море мы резвились, играли в футбол или просто валялись на песке. Потом нас отправляли переодеться, и мы шли на обед. Брели кто откуда, со всех корпусов, как попало. А усевшись за столы, мы хватали вилки, кружки, ложки и устраивали там-тарарам! Мы брякали и кричали: «Шайбу! Шайбу!» Ой, нет, нет, не «шайбу», конечно, а «кашу!» Бренчали ложками и вопили во всё горло: «Кашу! Кашу!» А потом сметали: первое, второе и компот. Только тарелки пустые оставались, вот как всё было вкусно. А после обеда начинался тихий час, и мы как будто спали, а на самом деле шалили, но не громко, чтобы вожатые не услышали. Нам просто скучно было, и не спалось что-то. Вот мы и шушукались, и хихикали ещё. А потом скакали на кроватях, и кричали: «Мы не галки, не щеглы, а ребята молодцы!» И так до тех пор, пока вожатый не даст команду: «Выходим строиться на полдник!» А после полдника в столовой и игры в футбол нас ждал ужин, и там нам давали стакан сока.

Вечерами мы смотрели кино, а потом переодевались в индейцев и начинали свою охоту. Охотились мы с копьями и луками на врагов из племени апачей. Мы их хотели сварить на костре и снять скальпы. Но хитрым мальчишкам из другого отряда всегда удавалось скрыться от нас в зарослях. Правда, однажды в наши руки всё-таки попался один хромой вождь. Вот только он оказался очень уж костлявый, и мы не стали его есть, а сжалились над беднягой и привели пленника в свой лагерь. Мы покормили вождя конфетами и весь вечер лечили его от

разных неизлечимых болезней, прилепляя подорожники ко лбу. А когда наш пленник выздоровел, мы отпустили его обратно на все четыре стороны.

Ещё у нас были хозяйственные дни – это когда все ходят с мётлами и тряпками. В эти дни мы наводили порядок на территории и у себя в комнатах. Тогда мы трудились очень дружно, целый день не покладая рук. Ещё у нас были различные кружки, пинг-понг и много чего другого.

Ночью мы устраивали битвы на подушках, так что пух и перья летели. Понятно, что вожатым это не нравилось, и они кричали: «Хватит стоять на ушах!» А потом разгоняли всех по комнатам. Мы тут же ныряли в свои постели и, случалось, засыпали без задних ног. Но чаще, чтобы быстрее уснуть, рассказывали друг другу страшные истории – про чёрную-чёрную комнату. А чтобы было не так страшно, забирались на кровати с ногами и накидывали на головы одеяла. Рассказывали по очереди, пока не засыпали.

Так и летели дни, обгоняя друг друга. А очень скоро начался дождь, который лил как из ведра. Два дня мы сидели на веранде, смотрели на мокроту и ёжились от холода. С крыши бежали ручьи, а мы дружно грустили каждый о своём: кто о ясной погоде, кто о море, а кто-то – о мороженом. Моя грусть была самая приятная, потому что я грустил по маме. От этой грусти у меня в груди было тепло и спокойно. И я думал, как же это здорово – вот так вот грустить, не грустя. Я даже собирался грустить так целую неделю, как вдруг бац! – и приплыли! Вожатые объявили: «Смена ваша закончилась, так что завтра вы все разъедетесь кто куда». Я очень расстроился. Ну, что это за новость – кто куда! А как же дождь и мои друзья, и моя грусть? Это не новость, а просто гром среди ясного неба!

Утром я собрал свои вещички и уселся в автобусе возле окна. Сначала я очень обрадовался тому, что скоро увижусь с мамой. Но потом мне снова стало грустно, потому что на улице стояли мои друзья и я видел, что они уже скучают по мне. Они махали мне руками и кричали: «Мишка, пока! Пока, Миш!» И я понял, что мы больше не увидимся. Я даже не знаю, когда мне было грустнее: когда я смотрел на дождь и грустил по маме или вот тогда в автобусе, когда я прощался с ребятами? А ещё я думал: «Кто же придет вместо нас? Кто теперь будет прыгать в солёное море без разрешения, плескаться, как оголтелый, а потом ловить руками жидких медуз? Небось придут какие-нибудь непутёвые ребята и будут шалить день и ночь, а вожатым мучайся».

Про себя могу сказать, что воспитываться в летнем лагере мне очень понравилось. И в следующем году я решил снова поехать туда перевоспитываться. После приезда домой я многим рассказал, как здорово провёл лето в этом году. Вот и вам рассказал. А если хотите ещё историй, то перестаньте шалить, забирайтесь на кровать с ногами, накидывайте на голову одеяло и слушайте, пока сами собой не уснёте.

Родина

Я тут вот что подумал: раз вы всё ещё книжку читаете, значит, история вам понравилась. Ну, так вы продолжайте – читайте, сколько влезет. Не отвлекайтесь. А я дальше рассказывать буду. У меня таких историй ещё полно, на сто лет хватит.

Следующая история ни с того ни с сего началась два года назад. Мы тогда в гости ездили. К дедушке Ване, в город Волжский. Это рядом с Волгоградом, в двух шагах всего. Только речку перейти. И вот какая штука там приключилась. Наш дедушка Ваня оказался полным однофамильцем моего старшего брата Ваньки. Представляете? Ваньку моего зовут – Иван Воробьёв. И дедушку Ваню тоже – Иван Воробьёв. Это папа наш так учудил. Он Ваньку Ванькой в честь своего папы Ивана назвал. И я, честно говоря, думал, запутаюсь, кто есть кто. Но ничего. Справился. Всех запомнил, не маленький. Мне же тогда уже восемь лет стукнуло. Но самое инте-

ресное не в этом. И даже не в том, как мы целыми днями по садам за вишней лазили да в речке купались. А самое интересное началось ещё в поезде.

Мы уже второй день на нём ехали. За окном пролетали города и деревни. Колёса стучали. Брякали ложечки в пустых стаканах. И я уже очень сильно устал. Хотя мне и весело было всё время на верхнюю полку залезать. А папа и Ванька устали ещё больше: это они мне помогли туда забраться. А потом – спуститься. А потом снова забраться, и так весь день. Точнее два. То вверх, то вниз. И вот мы уже к Волгограду подъезжать начали, и папа вдруг говорит: «Смотрите скорее в окно! Это одна из самых высоких статуй мира: Родина-мать зовёт!» И мы стали смотреть. И любоваться.

Родину я очень сильно любил. Нас этому ещё в школе учили. И вот я её любил. Но никогда в жизни не видел. И не представлял, как выглядит моя Родина, которую я так сильно люблю. А тут вот она, стоит в полный рост. Очень красивая. И я сразу же полюбил её ещё сильнее. Потому что она выше моего дома и даже выше всех домов на нашей улице. Хотя она и далеко была. Километров сто от нас. А я сразу же понял, что она самая большая Родина на всём белом свете.

А когда мы погостили у бабушки Вани два денёчка, он сказал: «Ребёнки, собирайтесь. Сегодня едем на Мамаев курган. И возьмите курточки, вдруг, будет ветрено». И мы взяли с Ванькой курточки. А бабушка надел фуражку и парадный мундир. А потом мы сели в машину «Москвич 412» и поехали. А когда приехали, то оказались на площади. Бабушка взял нас за руки, и мы пошли. И сразу же начали по ступенькам подниматься. Мы медленно по ним поднимались. А ступенек было очень много. И я начал их считать, но сбился со счёта. Тогда я сказал: «Тысяча!» А бабушка поправил: «Двести. Всего двести на весь курган. Двести дней обороны, двести ступеней». Дальше была аллея. И пока мы по ней шли, бабушка нам с Ванькой много всего рассказывал. Про то, как он молодой был. А ещё про землянку. И про чёрный дым от пожаров и раскаты грома. И про то, как они фашистов били. Крепко били. Потому что это наша земля. Русская. И голос у бабушки уже не звенел, как раньше, а скрипел. И я не стал его спрашивать, что такое землянка. И Ванька не стал. Мы просто шли и молчали. Только листья на тополях шуршали и где-то гудел паровоз. А в конце аллеи мы подошли к огромному солдату. Он ногами прямо в бетон врос. И сам закаменел. А на бетоне надпись: «Стоять насмерть!» А Родина-мать всё ещё вдалеке стояла. Но уже не так далеко, как в поезде, уже ближе.

Потом снова начались ступеньки. И огромные стены выросли вокруг нас, как скалы. И солдаты. Но уже не в бетоне, как тот, первый. А прямо в этих стенах. А стены были серые и израненные. И лица солдат как будто кричали о том, что они дрались. Но силы были неравные, и солдаты не вернулись из боя. Только лица остались и застыли на этих стенах. А мы всё шли. И стены сдвигались к нам всё ближе и ближе. И я уже начал представлять, как тогда, давно было. Во время войны. С этими солдатами дрался и мой бабушка. Была зима и мороз. Он бежал по этим самым развалинам, с автоматом в руках. А в небе гудели моторы и выли бомбы. Потом гремели взрывы, и снова вой и едкий дым. И день сменился на ночь. А рядом падали товарищи, прямо в грязь. И все кричали: «Вперёд, к победе! Ни шагу назад!». И вот я представил такую картину. И в груди у меня что-то защемило. Я посмотрел на деду и подумал: «Хорошо, что он сейчас с нами». И сильнее сжал его руку, а он – мою.

Потом была площадь – площадь Героев. И там был пруд. А в пруду плавали красные цветы. И рядом тоже стояли солдаты. Большие и серые. И они тоже дрались, как те, на стене. А кто-то выносил раненого с поля боя. И вот они шли. Шли в смертный бой, несмотря ни на что! Несмотря на раны. И никто не отступил, никто не сдался.

В конце площади мы зашли в коридор и оказались в большом, круглом зале. Это был Зал Воинской Славы. И там был вечный огонь. Он пылал прямо в огромной руке. А на стенах как будто флаги висели, но не настоящие. И тысячи имён на этих флагах. Это для них горел огромный факел. Чтобы им теплее было. А потом зашёл караул. И солдаты громко марширо-

вали, как часы на стене, когда все спят. А дедушка вдруг вытянулся по струнке. И сделал под козырёк. А они всё маршировали, маршировали и не обращали на нас никакого внимания. В руках они держали винтовки. Настоящие. Со штыками. И когда они менялись, то били прикладами по полу. Грохот стоял – будь здоров. После этого они снова зашагали, но уже наверх, и было слышно, как где-то под потолком играет музыка. Только очень-очень тихо и печально. Так будто кто-то плачет. У меня прямо защекотало в горле, и я тоже чуть не заплакал. Оттого, какая она была жалостливая, и оттого, как громко марширует смена караула. А они всё маршировали, высоко поднимая ногу и оттягивая носок вперёд. Получалось очень красиво, ровно и волнительно. А наверху они снова поменялись, и смена ушла. И мы тоже пошли. Выше. Теперь уже к самой Родине.

Оставалось пройти совсем немного. Но дедушка не спешил. Он, наоборот, стал идти медленнее. Наверное, сильно устал. Потом подул очень сильный ветер. И было зябко даже в курточке. Но дедушка его не замечал. Он останавливался у плит на земле и читал их. И что-то им рассказывал, но не вслух. У него только губы дрожали. И глаза были мокрые, наверное, от ветра.

Когда мы наконец-то дошли до Родины, у меня не хватило шеи, чтобы её посмотреть. А посмотреть хотелось. Всю. С головы до ног. Она оказалась такая огромная! Даже больше, чем я представлял. Больше, чем я мог подумать. Просто до небес. А на гору её поставили, чтобы она могла с Богом говорить. Ей до Него рукой подать. И сказать есть что. И попросить. Не для себя, для нас. Для людей. Она много чего видела и пережила. Ведь она же Родина-мать.

А потом я посмотрел на город. И на Волгу. Было очень красиво. И я запомнил их на всю жизнь. А ещё мне совсем не хотелось уходить. Но деда сказал: «Пора». А я сказал: «Подожди минуточку». И подошёл к Родине, и сказал ей шёпотом: «Родина, милая. Попроси у Бога. Пусть он сделает так, чтобы на земле больше никогда не случилось войны».

Уха

Мы после встречи с Родиной уже целую вечность гостили у дедушки. Три дня, кажется. И всё это время папа с дедушкой что-нибудь ремонтировали. Они то крыльцо чинили, то крышу у дома, то просто мусорили стружкой во дворе. Поэтому им не до нас было. А мы с братом просто маялись от безделья. У нас не было ни одной идеи, чем бы заняться. И я всё думал: «Вот если бы у нас спички были и порох, тогда другое дело. Ванька бы тогда точно что-нибудь выдумал. Может, летательный аппарат, а может, ещё что. Он у меня в этом деле мастер – выдумывать всякие штуки». А без пороха нам было ужасно скучно. Хоть волком вой.

Но я не выл. Я валялся под яблоней и играл с жуком, подталкивая его соломинкой. А Ванька стоял руки в брюки и ковырял землю ногой. Наверное, червяков искал. И вот в это самое время к нам деда подошёл. Подошёл и сказал: «Ну, что вы путаетесь под ногами. Ползаете туда-сюда, как сонные мухи. Возьмите лучше удочки и сходите на речку». И я прямо подпрыгнул на месте. И крикнул: «Ура-а-а!» И Ванька тоже подпрыгнул. И тоже крикнул: «Вот это дело! Вот это я понимаю!» А я тогда ещё подумал: «Нам с такой идеей никакого пороха не надо». В общем, мы очень обрадовались. Собрались за одну минуту и пошли рыбачить. Там от дедова двора до Ахтубы – рукой подать. И мы быстро пришли. А когда притопали, то стали место для рыбалки выбирать, поудобнее. Ну, и выбрали.

Местечко оказалось просто загляденье! С одной стороны песок, настоящий морской пляж – валяйся, сколько влезет. С другой – до самой воды деревья росли. Мы ещё потом по ним ползали, как обезьяны. Но сначала мы всё-таки рыбачили.

И клёв у нас был – что надо! Только успевай забрасывать. Я, главное, удочку закину, удилище на рогатину положу, а рыба уже тут как тут. И мой поплавок, будто заводной, скачет, а то и вовсе утонет. Я удочку – хват, подсекаю, значит, а на крючке уже нет ничего. Ушла

восвояси. Ни хвоста, ни чешуи. И когда она только всё успевает? А Ванька кричит: «Ну, что ты как сонная тетеря! Тут резко нужно!» И я уже резко подсекаю, а рыба всё равно хитрее.

И вот мы уже полдня рыбачили. И уже довольно много наловили. На двоих три уклеи. Можно было даже уху варить. Хоть ведро. Только мы его не взяли. Торопились очень. К тому же, нам не хотелось с супом возиться. И мы наш улов коту отдали, вечером, когда домой вернулись. Дедушкин кот был только рад такому угощению. Ещё у нас хлеб для прикормки был. И мы им сами прикормились, проголодались сильно. Было очень вкусно. Я такого аппетитного хлеба никогда не ел, ни разу в жизни. А ещё мы весь день на солнце просидели, и нам очень жарко сделалось. Не Волжский, а пустыня Сахара какая-то. Вот мы и решили искупаться.

Там, где мы только что удили – мелко, а вода, как оказалось, очень тёплая. Прямо не вода, а парное молоко. Я, пока рыбачил, успел ногами температуру померять. В общем, скрутили мы наши удочки и отложили их подальше. Потом сняли штаны с майками, побросали их на песок. И, не раздумывая, в речку побежали, как оголтелые. Соревнуясь: кто быстрее до воды. Потом мы купались, плескались и ныряли, как рыбы. Пока вконец не выдохлись. А когда из воды выходили, то громко фыркали и отдувались, как моржи. Было очень похоже.

На берегу оказалось, что песок под ногами сильно горячий – кипятик просто! И мы представляли, что идём по раскалённым углям. А пробравшись к одежде на цыпочках и немного обсохнув, мы расщеперились на песке. И мы так долго загорали, растопырив руки и ноги в разные стороны, как звёзды. Ну, а когда мы отдохнули и вдоволь навалялись, то решили на ближайший дуб забраться. Закарабкаться и поползать там, как следует. Вдруг там гнездо или ещё что интересное? Но когда мы забрались на дерево, то никакого гнезда не нашли. Там только орехи росли – горькие, без запаха, абсолютно несъедобные. Просто бесполезная вещь какая-то, жёлуди называются. В общем, мы в соловья-разбойника играть начали. Качались на ветках, гикали и кричали хриплым голосом: «Эге-гей! Выходи на бой! Будем свистом меряться!» А потом свистели – кто громче. Так мы, наверное, час играли, пока к нам местные ребята не подошли.

Шпана

Ребят было трое. Руки в брюки, кепки на бок. С виду – вылитая шпана. Они, видимо, мимо шли и нас услышали. «Вы чего тут орёте?» – спросил один из них. Его Шуриком звали, но мы пока что не знали. Мы потом познакомились. Он в компании самый старший был. Пятиклассник. Точнее, он только ещё перешёл в пятый класс, как мой Ванька, но пока там не учился. Каникулы же на дворе, а в каникулы никто не учится! «Да! Чего рассвистелись? Застряли, что ли?» – спросил другой, самый маленький. Это Федька, малышня совсем. Ему семь лет всего. А мой Ванька сказал: «Да нет! Не застряли. Мы тут рыбачили просто». А Шурик спросил: «Ну и как там, на дереве? Ключёт?» И они стали смеяться над нами. Только и было слышно: «Ха-ха-ха! Ой, умора! Сейчас животики надорвём, рыбачат они. Сидят на дереве, как две вороны, и рыбачат!» А я обиделся немного, что они такие непонятливые, и сказал: «Ничего смешного! Мы сначала рыбачили, а потом купались. Теперь вот шалим. И нечего тут!» А третий спросил: «Может, вам всыпать? Чтобы не шалили на нашем месте». Это Андрюшка был. Он, как я – во второй класс перешёл. И мы с ним сдружились потом, просто не разлей вода. А мой Ванька ответил: «Никакое оно не ваше. Это общее место. Государственное». А я не знал, что такое – государственное. Поэтому просто сказал: «Да!» После этих слов Шурик покраснел, как помидор, и закричал: «Ещё как наше! Мы всю жизнь тут в речку ныряем». А мой Ванька ему ответил: «Скажешь тоже – ныряем. Тут же мель кругом». И я подтвердил: «Ага, мелко тут. По пояс всего». «А вот и не мелко! Я вам сейчас докажу!» – кричал Шурик. И мы ещё с дерева слезть не успели, а он уже начал раздеваться. Он как-то быстренько сандалики стянул и одной левой штаны стянул. Сразу же было видно, что он парень не промах и что он нам

сейчас докажет. В реку Шурик вошёл очень серьёзно и тут же начал показывать, какая там глубина. Сделал шаг – и уже по колено было. Ещё два – по пояс. Потом глядим, а он уже и вовсе плывёт. Там и правда, очень глубоко оказалось. Помню, я ещё тогда подумал: «Вот как бывает. Купаешься, плещешься, как дельфин на море, и ничего себе не думаешь. А в двух шагах огромная глубина. Настоящая бездонная пропасть. Метра два, не меньше. Такую только на подводной лодке изучить можно». А потом Шурик крикнул: «Гляди! Фома неверующий», – и солдатиком на дно пошёл, а руки вверх поднял. Вот какой парень, ему и море по колено. Только мы, если честно, не поняли, кому он сказал-то, и все стали глядеть. И он долго на дно шёл, полчаса, кажется. А потом вдруг замер, и только руки торчат остались. По локоть где-то. И тут Андрюшка вмешался: «Ну, что? Съели? Говорят вам – это наше место. И дерево тоже наше. Мы всё тут знаем». И я подумал: «А не пора ли этому Андрюшке-всезнайке шею намылить?» А Ванька сказал: «Всё равно не ваше, а общественное». А я не мог вспомнить, что такое – общественное. Поэтому просто сказал: «Да!» И тут ко мне Федька подошёл, близко совсем. И спросил: «Мальчик, а как тебя зовут?» И я сказал, что зовут меня Миша, а моего старшего брата Ваньку – Ванькой. А Федька сказал, что его зовут Федей и что он до сих пор не умеет плавать. И тогда мы все перезнакомились. И стали купаться вместе. А потом Андрей показал, как нужно прыгать с ветки того самого дуба прямо в воду. И мы все стали нырять с дерева. Кто солдатиком, кто ласточкой, а я бомбочкой. Так брызг больше. А когда все на берег выходили, то каждый громко фыркал и отдувался, как морж. Было очень похоже, и весело всем было. Кроме Федьки. Он сидел на берегу, строил замок из песка и всё время вздыхал. Тогда я подошёл к своему Ваньке и сказал: «Вань, а Вань. Научи Федьку плавать, как меня научил». А он сказал: «Какой разговор! Пусть готовится. Сейчас и приступим». А Федька давно уже готов был, может, даже с утра. И он, как стрела полетел, когда Ванька крикнул: «Давай к нам, мелочь пузатая! Буду учить тебя плавать по-собачьи!»

Мой Ванька – инструктор что надо. Он в прошлом году и меня плавать учил, и ещё кучу мальчишек. И я теперь всяко-разно могу: хоть по-морскому, хоть по-собачьи, а то и вовсе на спинке. И Федька быстро научился. Вечером он уже мог хоть метр проплыть, хоть два. Они заходили в воду, где Феде по грудь было. И Федя начинал плыть к берегу, а Ванька его снизу рукой поддерживал. Федя барахтался руками и колошматил ногами. А Ваня ему командовал: «Голову выше! Ноги прямее! Ладочки чашечкой!» А на следующий день Федя уже сам учился. Он заходил туда же, где ему вчера по грудь было, и начинал плыть к берегу, а Ванька только присматривал.

Новые затеи

В общем, мы больше не путались под ногами у взрослых. Не стонали и не скрипели, что нам скучно. Мы здорово сдружились с ребятами и весело проводили каникулы на речке, а папа с дедой разбрасывали стружку во дворе. И все были просто счастливы.

А когда деда узнал, где мы целыми днями пропадем, то с радостью подкинул нам ещё одну затею. Он сказал, что очень давно, ещё в детстве, купался на том же месте, где и мы. Оказывается, мой дедушка Ваня тоже когда-то маленьким мальчиком был. Прямо как мы с Ванькой. Представляете? Мне, если честно, с трудом в это верится. Но Ванька сказал: «Да. Такое бывает. Мы тоже вырастем и станем дедушками». А я пожал плечами и сказал: «Ну, не знаю. Не думаю. Я вообще-то лётчиком хочу стать». Потом деда приволок нам обрывок толстой верёвки из сарая. «Вот, держите, – говорит и подаёт его Ваньке. – Тарзанку сделаете». И мы, не раздумывая, побежали на наше любимое место делать тарзанку. На то самое место, к дереву, с которого в воду прыгали. Правда, я тогда ещё не знал, что именно мы будем делать. Но это ничего, скоро сам всё испытал.

Тарзанка у нас вышла отличная. Просто высший пилотаж. И теперь мы только с неё и ныряли. С утра до позднего вечера. Все ныряли. То по очереди, то – как попало. Даже Федька не отставал. Он к тому времени плавать научился – будь здоров! И нам всем очень весело было от того, какую мы штуковину смастерили.

А чуть погода мы на нашем дереве настоящий дом построили. Крепкий, надёжный – из картонных коробок. Насобирали разных досок по берегу, принесли молоток с гвоздями и сколотили пол. А потом приволокли кучу коробок и сделали стены, с окнами. Ну и крышу ещё, правда, дырявую, потому что коробок не хватило. Получилось очень красиво и тепло.

И вот мы напрыгаемся с нашей тарзанки, наплаваемся вдоволь и карабкаемся в домик на передышку. Там развалимся на полу и облаками сквозь крышу любуемся. Они такие белые были, лёгкие и никуда не торопились. Мне даже иногда казалось, будто они, проплывая мимо нашего дерева, нарочно останавливались и тоже наблюдали за нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.